

О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Памяти Владимира Александровича Якубского

В целом ряде работ украинских исследователей показано, как происходило возвышение новой социальной элиты украинского общества, как укреплялась ее руководящая роль. В исторических сочинениях первых десятилетий XVIII в. можно обнаружить всестороннее обоснование права элиты на это руководящее положение, опирающееся, в частности, на аргументы от истории.

Однако остается во многом неясным, как формировалась такая система взглядов. Главный исторический труд, отражающий настроения украинской элиты во второй половине XVII в., «Летопись Самовидца», ярко отражает страх этой элиты за свое положение, ее враждебную реакцию на наступления низов, но не содержит доводов, которые обосновывали бы право элиты руководить обществом.

Пробел в определенной мере может восполнить «Пересторога» — текст, содержащийся в украинском сборнике второй половины XVII в. «Пересторога» представляет собой предостережение, адресованное жителям Украины, и одновременно совет, как выйти из той опасной ситуации, в которой они оказались. Памятник был введен в научный оборот¹, а затем опубликован украинским исследователем Ю. А. Мыцьком².

¹ Мыцьк Ю. А. Украинский историко-политический трактат 1669 г. как памятник публицистики // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX вв. Днепропетровск, 1982. С. 84–101.

² Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 129–138.

В самом тексте имеется указание, что он написан в 1669 г.³ Уточнить датировку позволяет высказывание автора, что жители Украины недавно «присяги свои зламали, а таковои доброты за свою зраду певне от турков бы яко от царя не узнали»⁴. Очевидно, что текст «Перестороги» был написан после того, как на раде в Глухове в марте 1669 г. была после восстания Брюховецкого расширена автономия гетманства в составе Русского государства.

Основное содержание памятника — призыв не возлагать какие-либо надежды на сотрудничество с татарами или османами, которое приведет к губительным для Украины последствиям, а прекратив раздоры, объединиться под властью царя. Заметное место в памятнике занимает вопрос о мерах, которые следует принять для обеспечения положения православных в Речи Посполитой. Эти его разделы обнаруживают явную связь с помещенными в одной рукописи с «Пересторогой», специально посвященными данной теме текстами, такими как «Наветы»⁵ и «Память, якого от ляхов обварованья (в) комысиях потреба»⁶. Эти особенности «Перестороги» позволяют видеть в ее авторе достаточно высокопоставленное духовное лицо, принадлежавшее к среде киевского духовенства, для которого вопрос о положении православных в Речи Посполитой стал актуальным с приближением срока передачи этому государству Киева в соответствии с условиями Андрусовского договора.

Вместе с тем, есть основание говорить об определенной связи автора «Перестороги» с влиятельной группировкой левобережной старшины 60-х гг. XVII в. Уже исследователь, описывавший в конце XIX в. сборник с текстом «Перестороги» при его поступлении в Публичную библиотеку, отметил связь этого сборника с семьей Дворецких, занимавших видное место в рядах казацкой верхушки Киевской земли⁷. На лл. 119–146 рукописи помещена сделанная в 1770 г. запись: «Сия книга летопись с дедов и прадедов, сочиненная фамилией Дворецких, и ныне находится у господина Дворецкого Василия, значкового товарища»⁸. Сборник находился во владении семьи Дворецких и ранее 1770 г. На л. 62 об. рукописи помещены записи о кончине 29 апреля 1694 г. Ивана Васильевича Дворецкого (в начале 1690-х гг. он был судьей Киевского полка) и «в молодых летех» его сына Петра⁹. Иван Васильевич Дворецкий был сыном киевского полковника Василия Федоровича Дворецкого, известного участника политической жизни Левобережного гетманства в 50–60-х гг. XVII в.

³ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 137.

⁴ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 135.

⁵ Опубликовано: *Исаевич Я. Д.* «Навіти» — невідома пам'ятка української публіцистики XVII ст. // Науково-інформаційний бюллетень Архівного управління УРСР. 1964. № 6. С. 55–62.

⁶ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Q.XVII.220. Л. 54–58 об.

⁷ К такому выводу пришел и издатель «Перестороги» Ю. А. Мыщык (*Мицик Ю. А.* Перший український історико-політичний трактат. С. 130, 132).

⁸ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1894 год. СПб., 1897. С. 134.

⁹ Отчет Императорской Публичной библиотеки... С. 125–126; о Иване Вас. Дворецком см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Т. I. Киев, 1908. С. 395.

Утверждение записи 1770 г. о наличии в сборнике летописи, сочиненной «фамилией», подтверждается анализом летописца, помещенного в рукописи. Летописец был исследован и издан Ю. А. Мыцьком¹⁰. Исследование показало, что в составленное на основании разных источников повествование о событиях украинской истории конца XVI в. – 1672 г. был включен ряд известий о судьбе Василия Федоровича Дворецкого. В «Летописце» отмечены его рождение (1605 г.), смерть его отца (1631 г.), женитьба (1637 г.)¹¹. В последующем повествовании читается ряд известий об участии Василия Федоровича Дворецкого в политических событиях 50–60-х гг. XVII в. Здесь сообщается, что во время войны с Выговским он в Киеве «заедно с воеводами был», во время военной кампании 1660 г. он «день и ночь» сражался с поляками вместе с войском В. Б. Шереметева и попал в плен вместе с русскими воеводами, отмечено также, что в 1664 г. именно Василий Федорович Дворецкий руководил защитой Глухова от польской армии¹². Как и другие левобережные полковники, он принял участие в восстании Брюховецкого.

Факт этот в «Летописце» обойден молчанием, но отмечено, что в Чигирине он сидел в тюрьме с русскими воеводами. Вероятно, он был арестован правобережным гетманом Петром Дорошенко, как ненадежное лицо, и это позволило ему установить отношения с русской властью. В «Летописце» сказано, что Василий Федорович Дворецкий смог в 1669 г. «на Госпожин день» посетить Москву вместе с сыном Юрием, откуда они «з грамотою назад вернулись»¹³. Характер приведенных известий ясно показывает, что при составлении «Летописца» были приложены усилия, чтобы показать Дворецкого последовательным сторонником промосковской ориентации. Поскольку в «Перестороге» активно пропагандируется идея ориентации казаков на Россию, предлагается искать соглашения с царем, то соседство этих текстов в сборнике Дворецких явно не может рассматриваться как случайное.

Вместе с тем, между текстами при сравнении обнаруживается не только идейное, но и текстологическое сходство. В заключительной части «Летописца» читается рассуждение о том, что «чого Бог Хмельницкому старому не дал, зостаючому у великой силе и маючому великие скарбы... теды юж по нему жадный гетман надаремне кусится и поривається, як з мотикою противко слонца»¹⁴. Очень схожее рассуждение читается в тексте «Перестороги»: «Украина що доброго себе не справила за старого Хмельницкого, где незличонные скарбы, интрати, места и села и що мела поготову, тож тепер свобод и жадные речи, якои жадаєт, сподеватся не может»¹⁵. Сходство этих текстов, как представляется, следует объяснять участием автора «Перестороги» в написании «Летописца», говорившего о заслугах В. Ф. Дворецкого. Учитывая свидетельства 60-х гг. XVII в. о связях киевского

¹⁰ Мыцьк Ю. А. «Летописец» Дворецких // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 219–234.

¹¹ Мыцьк Ю. А. «Летописец» Дворецких. С. 227.

¹² Мыцьк Ю. А. «Летописец» Дворецких. С. 229–231.

¹³ Мыцьк Ю. А. «Летописец» Дворецких. С. 232.

¹⁴ Мыцьк Ю. А. «Летописец» Дворецких. С. 233.

¹⁵ Мицьк Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 134.

полковника с Киево-Могилянской коллегией¹⁶, участие одного из ее членов в создании такого текста не может вызвать удивления.

Включение текста «Перестороги» в сборник говорит о том, что, по крайней мере, в тот момент выраженные в этом тексте взгляды отвечали взглядам владельцев сборника. Когда же это произошло? «Летописец Дворецких» заканчивается описанием событий 1672 г. «Память», как указано в самом ее тексте, написана в 1671 г., и в ней есть ссылка на написанные ранее «Наветы»¹⁷. В сборник включен текст Жития Владимира, скопированный в 1669 г., и пасхалия на 1671–1691 гг.¹⁸ Такие наблюдения над составом сборника позволяют согласиться с мнением Ю. А. Мыцька, что сборник, вероятно, был составлен в начале 70-х гг. XVII в. самим Василием Федоровичем Дворецким, который в конце 1671–1672 гг. укреплял городки вокруг Киева, готовившегося к отражению возможного нападения османов¹⁹. Таким образом, имеются определенные основания искать в тексте «Перестороги» отражение взглядов влиятельной группировки казацкой верхушки Левобережья на рубеже 60–70-х гг. XVII в.

«Пересторога» содержит целый ряд рассуждений и оценок, характеризующих состояние украинского общества ко времени ее написания. Итоги 20-летней войны, начатой восстанием Хмельницкого, оцениваются как катастрофические. В начале войны «так много барзо набывши скарбов», теперь «не мают их нечего», а земли запустели. И в будущем не приходится ожидать чего-либо хорошего.

Причину бед автор, образованный клирик, видит в грехах общества, которые навлекли на него Божий гнев. Грехи эти, по большей части, стандартные — угнетение вдов и сирот, лживые присяги, грабежи и убийства. Вместе с тем, уже в этих разделах текста встречаются пока еще неясные указания, что причина бед в разрушении общественного порядка. Так, в перечне грехов говорится о людях, которые захватывают «уряды» — должности, хотя это люди — «не умеетныи» и «негодныи», а грабежи и убийства вызваны тем, что люди «послушенства в себе не учинили и учинити не могут». В целом ряде мест повторяется мысль, что общество должно опираться на традиционно установленные нормы, иначе оно разрушится. Так, призывая казаков служить царю, «лупезства законом заказанного понехавши», автор утверждал, что «без порядку и послушенства не может быти добре в Украине и негде»²⁰.

Отсутствие «порядка» и «послушенства» имеет самые негативные последствия и в сфере отношений с соседями. Украина — «всем околичным монархом зазлыла и на себе обрушила». Здесь нет постоянной линии поведения по отношению к этим соседям — Украина «то сюди, то туди до монархов розних перекидается».

¹⁶ См., например, ходатайство Василия Дворецкого перед гетманом Брюховецким о наделении маестностями Киевского Братского монастыря (РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. 1665 г. № 61. Ч. 2. Л. 436–438).

¹⁷ *Исаевич Я. Д.* «Навіти»... С. 53.

¹⁸ Отчет Императорской Публичной библиотеки... С. 116, 127.

¹⁹ *Мыцьк Ю. А.* «Летописец» Дворецких. С. 220–221.

²⁰ *Мицьк Ю. А.* Перший український історико-політичний трактат. С. 135.

Далее автор «Перестороги» объясняет, почему так происходит — «гды з монархою яким що доброго старши их постановят, то менши без слушнои причины рекраутует и их забывает». Таким образом, все отрицательное происходит от того, что низы не желают следовать правильным указаниям элиты.

Эти люди, широкие круги простого населения, руководствуются представлениями, которые автор «Перестороги» резко критикует как ложные и ведущие к губительным последствиям. Об этом он говорит, порицая участников восстания на Левобережье в 1668 г., которое началось после того, как Алексей Михайлович обложил население гетманства налогами. Царь, пишет автор «Перестороги», в течение 15 лет Украину «даремно боронил», то есть защищал, не получая от нее никаких доходов, а когда он таких доходов потребовал, Украина «не хотела послушна быти, а не жадней дани дават». Жители гетманства захотели все доходы «на себе брати... яко народ простыи и безрозумныи», и чтобы над ними не было «монархи жадного ани зверхности якои, которая не припустила без каранья злости жадней»²¹. Такие стремления привели к состоянию анархии и внутренним раздорам. При отсутствии авторитетной власти люди «ближним своим и домом Божиим лупезства и кровопролитья крови невинне без судов чинят, а сами ся рознят и на килка частыи ся делят»²².

Положение на Украине автор резко противопоставляет «околичным монархиям», где сохраняется под властью монарха традиционный общественный порядок. В этих монархиях «послушенство и моц, порядки и скарбы... а в Украине яко межи быдлом нечого того не маш, тылко то же се колотят»²³. Желание простых людей быть в равноправном положении с соседями при таком состоянии их страны характеризуется автором «Перестороги» как бессмысленное и нереальное — «жаден монарха того им не позволит, аби простыи народ монархом мел быть ровным суседом. Чого и Бог не дал простаком».

Положение дел оказывалось неудовлетворительным сразу и внутри страны (состояние анархии), и в отношениях с соседями. Украина теперь «свобод и жадной речи, якои жадает, сподеватся не може от жадного монархи, же ся им изневерила не раз»²⁴. Невеселое заключение сформулировано в одном из заключительных разделов «Перестороги»: «если ся далеи монархом хрестиянским спротивятся будоут, а в подданстве быть не схотят, саме их збродне и несправедливости погубят»²⁵. Выход автор видел в поисках соглашения с царем, который из соседей для Украины менее опасен²⁶.

²¹ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 135.

²² Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 137.

²³ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 134.

²⁴ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 134, 135.

²⁵ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 137.

²⁶ «Зла и тяжка Москва Украине, а поляки совете тяжшии, але турецкой и татарской злости и тяжару ани конца не будет» (Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 134).

Рассуждения автора показывают нам некоторые контуры складывавшейся идеологии новой социальной элиты. Сложившееся положение дел оценивалось как совершенно неудовлетворительное, а ответственность за это возлагалась на «простаков», «народ простые и безрозумныи», который не хочет подчиняться власти, не хочет платить налоги, не хочет знать «порядка» и «послушенства», когда власть наказывает нарушителей закона. Все эти формулировки, как и сравнение простых людей с «быдлом» — скотом, показывают глубину недовольства элиты поведением социальных низов. Именно в этом контексте рассматривается вопрос о подчинении населения Украины власти «христианского монарха» — царя. Это привело бы к установлению традиционного порядка, когда бы жители Украины «во всех справедливостях святых и присяг своих стерегли и верно цареву по его указу служили», а царь даст «вольности» тем, «кто ему тилко верне голдуе»²⁷.

Включение текста такого содержания в сборник, составленный Василием Федоровичем Дворецким, заслуживает особого внимания, так как киевский полковник принадлежал к той части казацкой верхушки Левобережья, которая в 1663 г. привела к власти гетмана Брюховецкого, опираясь на поддержку Запорожья и используя недовольство социальных низов²⁸. Однако В. Ф. Дворецкий и люди его круга сами стали жертвой подобной политики, когда Брюховецкого отстранил, используя недовольство низов, правобережный гетман Петр Дорошенко. Тогда, как было отмечено в «Летописце Дворецких», «многую старшину за ным побыто, а других казал побрать в домох и маетности их»²⁹.

Очевидно, после этого была осознана опасность таких методов борьбы за власть для судьбы самой казацкой верхушки, и включение в сборник Дворецких текста «Перестороги» следует рассматривать как проявление стремлений к консолидации элиты для подчинения в дальнейшем социальных низов ее руководству. Характерно, что при выборах нового гетмана в 1672 г. старшина приложила большие усилия, чтобы соответствующая рада была созвана без всякого участия «поспольства», а явившийся на Левобережье предводитель запорожцев Иван Серко был арестован и отослан в Москву³⁰. К этому времени провозглашенная в «Перестороге» программа установления на Левобережье «порядка» и «послушенства» при поддержке царской власти стала проводиться в жизнь.

Данные о статье

Автор: Флоря, Борис Николаевич — доктор исторических наук, член-корреспондент Российской Академии наук, заведующий Отделом истории средних веков, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, sredveka@gmail.com

²⁷ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат. С. 135, 136.

²⁸ О действиях В. Ф. Дворецкого в это время см.: Яковлева Т. Руїна гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003. С. 240, 250, 289, 309, 319.

²⁹ Мыцык Ю. А. «Летописец» Дворецких. С. 232.

³⁰ Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Кн. 6. Т. 15. СПб., 1905. С. 207 и след.

Заголовок: О формировании идеологии украинской элиты во второй половине XVII в.

Резюме: В статье анализируется процесс и обстоятельства формирования идеологии украинской элиты во второй половине XVII в. Поскольку в главном историческом труде, отражающем настроения украинской элиты этого времени — в «Летописи Самовидца», не содержится доводов, которые обосновывали бы право элиты руководить обществом, автор статьи восполняет имеющийся пробел за счет привлечения текста «Перестороги», включенной в сборник Дворецких. В статье подчеркивается, что рассуждения автора анонимного памфлета, представляющего собой предостережение, адресованное жителям Украины и одновременно совет, как выйти из той опасной ситуации, в которой они оказались, позволяет очертить некоторые контуры складывавшейся идеологии новой социальной элиты, проявляющиеся, в частности, в стремлении к консолидации элиты для подчинения в дальнейшем социальных низов ее руководству.

Ключевые слова: «Пересторога», идеология украинской элиты, Украина второй половины XVII в.

Литература, использованная в статье

Исаевич, Ярослав Дмитриевич. «Навіти» — невідома пам'ятка української публіцистики XVII ст. // Науково-інформаційний бюллетень Архівного управління УРСР. 1964. № 6. С. 52–62.

Костомаров, Николай Иванович. Собрание сочинений. Кн. 6. Т. 15. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. 813 с.

Модзалевский, Вадим Львович. Малороссийский родословник. Т. I (А–Д). Киев: Типография Товарищества Г. Л. Фронцкевича и Ко, 1908. 519 с.

Мыцык, Юрий Андреевич. «Літописец» Дворецких // Летописи и хроники. Москва: Наука, 1984. С. 219–234.

Мицик, Юрій Андрійович. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 129–138.

Мыцык, Юрий Андреевич. Украинский историко-политический трактат 1669 г. как памятник публицистики // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX вв. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 1982. С. 84–101.

Яковлева, Тетяна. Руїна гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ: Основи, 2003. 644 с.

Information about the article:

Author: Floria Boris Nikolaevich — Doctor of History, Professor, corresponding member of Russian Academy of science, Head of the Department of the Medieval History of the Institute of Slavic studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. sredveka@gmail.com

Title: On the formation of the ideology of the Ukrainian elite in the second half of the 17th century.

Summary: The article presents an analysis of the process and circumstances of the formation of the ideology of the Ukrainian elite in the second half of the 17th century. So long as the «Chronicle of Samovidets», the main historical narrative reflecting the local elite's sentiments of those times, does not present ideas that would substantiate the elite's rule over the Ukrainian society, the author of the article fills a want by using the text of «Perestoroga» from the Dvoretzskys' collection. The article emphasizes that the reasoning of the anonymous author of the pamphlet, that was

both a warning addressed to the people of Ukraine and an advice on how should they come out of the dangerous situation in which they found themselves, allows us to outline contours of a new social elite's ideology, those manifested, in particular, in its aspiration for the consolidation of the elite for the further subordination of the lower classes to its rule.

Key words: «Perestoroga», ideology of the Ukrainian elite, Ukraine in the second half of the 17th century.

Referenses:

Isaevych, Yaroslav Dmytryevych. «Navity» — nevidoma pamyatka ukrains'koy publicistiki XVII st. [«Navity» — an unknown text of the 17th century Ukrainian political publicism], in *Naukovo-informatsiyniy bulletin' Arhivnogo upravleniya URSS*. 1964. No. 6. Pp. 52–62. (in Ukrainian.)

Kostomarov, Nikolai Ivanovich. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Kn. 6. T. 15. Sankt-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasiulevicha Publ., 1905. 813 p. (in Russian.)

Modzalevskiy, Vadim L'vovich. *Malorossiyskiy rodoslovnik* [Genealogy of Little Russia] T. I (A–D). Kiev: Tipografiya Tovarishchestva G. L. Frontskevicha i Ko Publ., 1908. 519 p. (in Russian.)

Mytsyk, Iuriy Andreevich. «Litopisets» Dvoret'skikh [The Dvoret'skys' «Chronicle»], in: *Letopisi i khroniki*. Moscow: Nauka Publ., 1984. Pp. 219–234. (in Russian.)

Mytsyk, Iuriy Andreevich. Pershiy ukrainskiy istoriko-politychniy traktat [The First Ukrainian historical and political treatise], in *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal*. 1991. № 5. Pp. 129–138. (in Ukrainian.)

Mytsyk, Iuriy Andreevich. Ukrainskiy istoriko-politicheskiy traktat 1669 g. kak pamyatnik publitsistiki [The Ukrainian historical and political treatise of 1669 as a monument of political publicism], in *Aktual'nye istoriograficheskie problemy otechestvennoi istorii XVII–XIX vv.* Dnepropetrovsk: Izdatel'stvo Dnepropetrovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1982. Pp. 84–101. (in Russian.)

Yakovleva, Tetyana. *Ruina Get'manshyny. Vid Pereyaslavs'koi rady-2 do Andrusivs'koy ugody (1659–1667 rr.)* [The Ruin of Getmanschina. From the Pereyaslav Rada-2 to Andrusovsky treaty, 1659–1667]. Kiyiv: Osnovy Publ., 2003. 644 p. (in Ukrainian.)